

Алексей
Зорин

БОСИКОМ ЗА СОЛНЦЕМ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-86

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *А. Гаретова*

Зорин, Алексей Павлович.

З-86 Босиком за солнцем : роман / Алексей Зорин. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-248661-6

Лето 2002 года. Трое восемнадцатилетних парней запрыгивают в электричку и отправляются из Подмоскovie на Алтай — за 4000 километров от дома. У них нет денег, опыта, навигатора и даже нормального снаряжения. Вместо этого — гитара, пара кнопочных телефонов и безрассудная уверенность, что дорога сама подскажет, куда ехать.

«Босиком за солнцем» — реальная история последнего поколения до смартфонов: дерзкая, смешная, опасная и живая. Роуд-роман о молодости, когда весь мир впереди, а единственный шанс узнать, что такое настоящая свобода, — шагнуть в неизвестность.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248661-6

© Зорин А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Как я в поисках свободы проехал автостопом
пол-России без трусов и без денег.*

От автора

В наше время путешествовать автостопом стало очень легко. Посудите сами: навигатор проложит маршрут, на интернет-форумах каучсерфинга¹ найдешь бесплатные вписки или недорогие хостелы, кончились деньги в дороге — переведут на карту друзья-близкие, а то и кредит можно оформить онлайн. Да и вообще абсолютно любую информацию легко найти в сети в пару кликов! Но всего пару десятков лет назад все обстояло несколько иначе...

В этой книге нет выдуманных историй. Все, что вы прочитаете ниже, произошло со мной и моими друзьями летом 2002 года. Некоторые имена изменены.

Спасибо бета-ридерам:
Светлана Борисова
Анна Кондратьева

¹ Каучсерфинг — социальная сеть для путешественников, где участники бесплатно предоставляют друг другу помощь и ночлег во время путешествий.

Наталья Сафонова
Адара Биза
Наталия Волкова
Анастасия Кочнева
Йола
Рони Феникс

Благодаря им эта книга стала лучше!

*Для тех, кому книга не понравится: если бы не эти люди, она была бы еще хуже.

Все трюки выполнены профессионалами, не повторяйте в домашних условиях.

*Посвящается прекрасным людям,
которые помогли нам в дороге.
А тем, кто в пути, — шершавой трассы!*

Часть 1:

ПТЕНЦЫ ОПЕРИЛИСЬ

Каждая птица имеет право летать, свобода
есть сущность каждого, и потому все, что ее
ограничивает, должно быть отмечено прочь.

Ричард Бах

Чайка по имени Джонатан Ливингстон

ВВЕДЕНИЕ В ЭПОХУ

Это было тогда, когда мы уходили из дома...

Дмитрий Ревякин

2002 год, август

Я стою на трассе где-то на просторах Западно-Сибирской равнины и битый час пытаюсь поймать машину. Кто-то там сверху накинул на мир покрывало ночи, только под ним почему-то не тепло — хоть ночь и августовская, температура около десяти градусов. На мне драные кроссовки, которые я уже зашивал в пути, камуфляжные штаны со сломанной ширинкой (я закалываю ее булавкой) и майка без рукавов. Даже трусов нет. За спиной — гитара без первой струны, а должен быть рюкзак с палаткой, спальником и теплой кофтой. Но рюкзак у Шерифа, а Шериф где-то «под стелой на въезде в Челябинск» — это примерно пятьсот километров отсюда. Но доехал ли он? Связи нет, потому что у Шерифа нет телефона.

В Тюмень я уехал случайно — проспал нужный поворот в машине, которую застопил прошлой ночью. Объезд велик — трасса огибает Петропавловск, потому что никто не хочет ехать через Казахстан — говорят, таможенники любят запу-

скать руки в чужие карманы. Правда, у меня из вещей одна гитара, но кому нужны проблемы на границе?

Денег — четыре рубля мелочью, хватит на коробок спичек. Я думаю о спичках, потому что хочу курить, а зажигалка сломалась. А еще потому, что стою в таком месте, где пролетающим машинам меня совсем не видно; я для них — что упавшая звезда, на секунду мелькнувшая в темном небе. Моргнул — она уже исчезла. При таком раскладе стоит подумать о ночлеге, да и уши от холода уже ломит.

Вдалеке виднеется лес. Я мог бы разложить палатку, если бы не отдал рюкзак Шерифу. Я мог бы разжечь костер — мой единственный вариант пережить холодную ночь, — но у меня нет даже спичек. Я мог бы... да к черту! Нет никаких «мог бы». Есть только здесь и сейчас. И здесь и сейчас я... счастлив.

Это не то счастье, когда ты реализовал мечту, купил квартиру или родил ребенка. Это свобода от той жизни, которой ты жить больше не можешь, — но эта свобода похожа на смерть. Тот, кем ты был раньше — птица со сломанными крыльями, запертая в клетке, — умер. И если уж удалось вырваться, проломив грудью решетку, то так ли важно, где и кто ты? Важно, что тебя там уже нет. Это похоже на бегство, на прыжок веры — с обрыва в бездну.

Я слышу шелест крыльев орла, слышу, как ветер играет в перьях. Что делает орел под Тюменью? Поворачиваю голову — то ли тень скользнула за моим плечом, то ли сама подруга-смерть, про которую еще Дон Хуан говорил: обернись — и ты узришь!

Но нет, на обочине трассы в темнеющих сумерках я вижу силуэт индейца. Так вот что за шелест перьев! Ну да, индеец на трассе под Тюменью как будто привычной орла. Что он делает здесь? Что здесь делаю я? Возможно, я и оказался в этой ситуации, чтобы понять.

За полгода до этого

Это случилось в те далекие времена, когда в метро проходили по жетонам, разливное пиво продавалось в трехлитровых стеклянных банках, а сигареты в палатках — поштучно, в литровом пакете молока был действительно литр, а в килограммовом пакете пельменей... а этого никто не знает, потому что пельмени все лепили дома. Это были времена кнопочных Nokia-3310, долгих бесед по домашнему телефону и того самого «А Леша выйдет? А скиньте мячик!». Закат эпохи отчаянных путешественников, которые пускались в неизведанные края без малейшей информации о них, надеясь только на удачу да на вольный ветер, ибо больше надеяться было не на что — впрочем, им этого вполне хватало.

— Собьет машина.

— Не, в подворотне прирежут.

— В рабство продадут.

— Да просто замерзнут ночью насмерть, как бомжи, и все.

Варианты нашей бесславной кончины обсуждали абсолютно все друзья и знакомые, когда летом 2002 года мы собрались ехать автостопом на Алтай.

Шутка ли — 4000 километров на попутках, и это только в одну сторону!

Мы — это трое тощих восемнадцатилетних парней с длинными хаерами.

Бóрыш — поэт из прошлого века, случайно перепутавший время. Любитель посиделок с философскими беседами, интровертная душа компании, но с острым языком.

Агап — человек-загадка, окутанный мистическим флером, «вещь-в-себе» по Канту. Обладатель поистине дзенского спокойствия, словно хранящий внутри сдержанность Будды.

И я, Кесарь. Прозвище мне дали местные скины. Как-то ледяной зимой они пьяные ходили по подъездам (а в те времена можно было найти определенные подъезды, где зимой на лестничных клетках собиралась молодежь за распитием чего-то крепкого и не очень) и стреляли деньги на водку. У нас денег, конечно, не было — мы уже давно пропили те жалкие крохи, что удавалось наскрести по сусекам. Один из скинов — парень по кличке Буденный, весьма образованный, с глубокими познаниями в истории, — долго и пристально смотрел на меня, сидящего с насупленными бровями в углу у батареи. А чего их не насупливать? Зима, холод, денег нет, выпить охота. И тут Буденный выдал:

— Вот ты сидишь в углу, брови нахмурил, аки Цезарь. — Он вскинул руку, словно на ней висел плащ с кровавым подбоем, и гордо провозгласил: — Цезарь! Спаси империю! Дай семь-писят на водку!

Из всей компании я, пожалуй, меньше всего подходил на роль Цезаря — хилый, забитый подросток

с длинными патлами, греющийся у подъездной батареи в покрытом снегом Селятино. Друзья не могли не оценить столь яркий контраст, быстро переиначили Цезаря в Кесаря, и прозвище прижилось.

Нас с братом воспитывала мама — и тогда мне казалось, что это самое ужасное, что может произойти с пацанами. Брат рос сильным, здоровым и самостоятельным, и родители от него как-то быстрее отстали, а я постоянно болел. Еще в младенчестве я случайно отравился средством от клопов и чудом выжил, неделю пролежал в больнице один — маму ко мне не пускали. Она говорит, что, когда забрала меня, я был живым скелетом, и после меня еще долго в детском саду дразнили Кощеем. Воспитатели на выпускной даже стишок написали:

Ходит Леша, как Кощей,
Ест ни супа и ни щей.
Падает от слабости,
Уважает сладости.

Все смеялись над стишком, а я нет.

Мама постоянно боялась за меня, опекала чрезмерно — а я и без того был до крайности стеснительным. Чего стоит тот день в детском саду, когда я сильно хотел в туалет, но стеснялся попроситься выйти. Набравшись смелости, я тянул руку, но, как назло, именно в этот момент воспитательница задавала очередной вопрос. «Дети, вы знаете, сколько ног у лошадки? Вот Алеша тянет руку — молодец, Алеша! Сколько же у нее ножек?» Я молча вставал и смотрел на воспитательницу, не в силах

признаться, что на самом деле мне нет дела до ножек лошадки. «Забыл, пока вставал?» — Я кивал и садился обратно, краснея. В итоге в туалет я сходил в штаны — до сих пор помню, как тряслись от хохота и улюлюканья моих одноклассников стены детского сада.

В шестнадцать лет я боялся спросить в поликлинике, кто последний в очереди, — мог запросто уйти домой, так и не найдя в себе силы спросить...

Поездка на Алтай мне была необходима. Ее бы прописал мне какой-нибудь бородатый врач с очками в роговой оправе, если бы изучил историю моего детства. Внимательно прослушав грудь через стетоскоп и уловив сдавленное клеткой дыхание, он бы со вздохом вынес вердикт:

— Э, батенька, да вы у нас слабохарактерный! Вам, батенька, пора бы выпорхнуть из родительского гнезда!

— Так я, это... — застенчиво сказал бы я, — того... летать не умею.

А доктор бы наклонился ко мне, прищулив взгляд, и так лукаво сказал бы:

— Так в гнезде летать и не учатся!

К тому же я только что успешно провалил зимнюю сессию и не имел понятия, что делать дальше. Какие перспективы могут быть у человека, который отучился в ПТУ на сварщика, поступил в педагогический на преподавателя физики, а в глубине души мечтал о кинорежиссуре, музыке и карьере писателя?

Неоперившиеся, переревшие и инфантильные одновременно, мы искали себя как могли под зву-

ки шиховской гитары, возвращенные на нивах идей свободы, обильно политых паленой водкой «Чарка» за тридцать три рубля. Играли на гитарах, пели и пили — каждый божий день — от безысходности, которая привечала нас в промороженных подъездах подмосковного поселка Селятино. Жизнь предлагала стандартный набор: институт, работа, пенсия, смерть, — но нам хотелось большего. Но вот чего? Мы словно зависли в нашем поселке, а настоящая жизнь мчалась где-то за его пределами.

«Потерянное поколение»... Нас воспитывали в жесткой системе подавления личности и в полной убежденности в собственной несостоятельности. Никто не спрашивал нас, кем мы хотим быть, — роли уже были заготовлены. Хочешь быть режиссером? Да кто тебя, дурака, возьмет! Хочешь быть музыкантом? Они все мордой в салат! Хочешь путешествовать? Отучись, женись, воспитай ребенка, а потом поезжай куда хочешь. Хочешь... да всем плевать, что ты хочешь! Дай бог, чтобы тебя, дурака, хоть на сварщика взяли. Ты — мышь, заурядная серая мышь, и вот тебе стеклянный коридор, за пределы которого ты никогда не выйдешь, — учеба, работа, дом, семья, радикулит, могила.

Мы со взрывом, свойственным подросткам, входили в тот возраст, точнее, влетали кубарем, цепляя все углы, когда в привычных рамках становится невыносимо тесно. И либо эти рамки ломают тебя, втиснут твою личность в услужливо подготовленную обществом штампованную форму, либо ты ломаешь их вместе с привычным миром и предстанешь один на один перед оглушающе